

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / EMPIRICAL STUDIES

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-24-19>
УДК/UDC 159.9.072.432, 159.922.8

Личностные особенности студентов, покинувших зону боевых действий

Н.С. Ткаченко ¹✉, М.М. Мишина ²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

✉ tkachenkon2018@gmail.com

Резюме

Актуальность. Сравнительный анализ личностных особенностей, совладающего поведения и жизнестойкости студентов, покинувших зону боевых действий, и студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории, является теоретической основой программы психологического сопровождения беженцев из зоны боевых действий, а также населения, проживающего на территории, прилегающей к линии боевого соприкосновения. **Цель.** Сравнить личностные особенности студентов, покинувших зону боевых действий, и студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории.

Выборка. Студенты-первокурсники педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (81 человек в возрасте от 18 до 20 лет). Из них 40 студентов, покинувших зону боевых действий, и 41 студент, проживающий на приграничной к зоне СВО территории.

Методы. В исследовании использованы тест «Преодоление трудных жизненных ситуаций» В. Янке, Г. Эрдманна (в адаптации Н.Е. Водопьяновой), 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла, тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой).

Результаты. Показано, что студенты, проживающие на приграничной к зоне СВО территории, имеют более высокий уровень жизнестойкости. Их вовлеченность в происходящие жизненные события, желание активно действовать, приобретать новые навыки и опыт повышают их уверенность в себе и способствуют формированию удовольствия от собственной деятельности,

в отличие от студентов, покинувших зону боевых действий, которые чаще проявляют неуверенность в себе, недоверие к миру, тревожность, раздражительность, чувство беспомощности и непродуктивные копинг-стратегии. **Выводы.** Определены различительные особенности личностных качеств, совладающего поведения и жизнестойкости студентов, покинувших зону боевых действий, и студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории. Студенты, покинувшие зону боевых действий, менее жизнестойкие, чаще используют непродуктивные копинг-стратегии, более интеллектуальны, тревожны, раздражительны и напряжены, чаще проявляют лидерский потенциал, по сравнению со студентами, которые проживают на территории, прилегающей к линии боевого соприкосновения. Полученные результаты учтены при разработке тренинга «Жизнестойкая личность», являются основой программы психологического сопровождения беженцев из зоны боевых действий, а также населения, проживающего на приграничной к зоне СВО территории.

Ключевые слова: беженцы, боевые действия, жизнестойкость, личность, СВО, совладающее поведение, линия боевого соприкосновения

Для цитирования: Ткаченко, Н.С., Мишина, М.М. (2024). Личностные особенности студентов, покинувших зону боевых действий. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(2). С. 153–174. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-19>

Personal Characteristics of Students who Left the Zone of Military Operations

Nadejda S. Tkachenko ¹✉, Marina M. Mishina ²

¹ Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ tkachenkon2018@gmail.com

Abstract

Background. A comparative analysis of the personal characteristics, coping behaviour, and resilience of students who left the line of contact and students living on the territory bordering zone of special military operation is the theoretical basis for the justification of the programme for psychological support for refugees from the combat zone, as well as the population living on the line of fight contact. **Objectives.** The study aims to compare the personal characteristics of students who left the line of fight contact and students living on the territory bordering the SMO zone.

Study Participants. First-year students of the Pedagogical Institute of the Belgorod State National Research University (n = 81) aged 18 to 20 years took part in the study. Of these, 40 students left the line of contact and 41 students were living on the territory bordering the SMO zone.

Methods. To study the coping strategy of behaviour, we used the test “Overcoming difficult life situations” (by V. Janke and G. Erdmann in the adaptation of N.E. Vodopyanova). R. Kettell’s 16-factor personality questionnaire was used to determine personal characteristics. The resilience of the subjects was studied using the resilience test (by S. Muddy in the adaptation of D.A. Leontiev and E.I. Rasskazova).

Results. It is proved that students living on the territory bordering on the zone of SMO have a higher level of resilience. Their involvement in the ongoing life events, the desire to actively act, acquire new skills and experience, increase their self-confidence and contribute to the formation of pleasure from their own activities, in contrast to the students who left the fight zone and are more likely to show self-doubt, distrust of the world, anxiety, irritability, a sense of helplessness and unproductive coping strategies.

Conclusions. The study identifies distinctive features in the personal qualities, coping behaviour and resilience of students who left the fightline and students living on the territory bordering the SMO zone. Students who left the combat zone are less resilient, more often use unproductive coping strategies, are more intellectual, anxious, irritable and tense, and more often show leadership potential, compared to the students who live in the territory bordering the combat contact line. The results obtained were taken into account when developing the “Resilient Personality” training; they form the basis of the programme for psychological support for refugees from the combat zone, as well as the population living in the territory bordering the SMO zone.

Keywords: refugees, fighting, resilience, personality, SMO, coping behaviour, the line of fight contact

For citation: Tkachenko, N.S., Mishina, M.M. (2024). Personal Characteristics of Students who Left the Zone of Military Operations. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(2), 153–174. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-19>

Введение

Изучение проблемы личностных особенностей, совладающего поведения и жизнестойкости личности студентов, покинувших зону боевых действий, обращает на себя пристальное внимание специалистов (Акулинина, Давлетбаева, 2019; Калашников, 2022; Мишина, Воробьева, 2022). Военные действия, происходящие в Украине в последние

годы, спровоцировали поток беженцев. Россия принимает активное участие по обеспечению убежища, материальной и психологической помощи для удовлетворения необходимых потребностей тех, кто покинул свои дома. В частности, Министерство науки и высшего образования РФ предоставило квоты выпускникам школ из ЛНР, ДНР и Украины для поступления в университеты России с целью интеграции и адаптации студентов, покинувших регионы, затронутые военными действиями. Территория Белгородской области подвергается систематическим артобстрелам и атаками беспилотных летательных аппаратов, поэтому население, проживающее в районе линии боевого соприкосновения, нуждается в психологической поддержке. С учетом данной ситуации мы решили определить специфику и сравнить особенности совладающего поведения, жизнестойкости и личностных особенностей студентов, покинувших зону боевых действий, и студентов, проживающих на приграничной к СВО территории (г. Белгород, Шебекино, Валуйки, Грайворон и близлежащие к границе села).

Уровень жизнестойкости, копинг-стратегии поведения и личностные особенности определяют реакцию организма на психотравмирующие воздействия, адаптацию к новым условиям и совладение со стрессом (Глушановская, 2020; Кайипбекова, Гагай, 2021). В связи с этим жизнестойкость и продуктивные копинг-стратегии поведения студентов, покинувших зону боевых действий, — это важный ресурс, обеспечивающий им способность и готовность преодолеть новые возникшие сложные условия, контролировать ситуации, управлять ими и перерабатывать негативные события как опыт и успешно совладать с ними (Ермакова, 2022; Кудинов и др., 2017; Леонова, 2021; Петровская, 2020).

Разработкой технологий по повышению уровня жизнестойкости личности занимались зарубежные ученые, которые рассматривали данный феномен в контексте отражения интегральной индивидуальности (Maltby, Hall, 2022; Oviedo et al., 2022). На сегодняшний день не существует единой концепции, объясняющей жизнестойкость, поскольку исследователи сталкиваются с проблемой в терминологии. Для описания одного и того же явления авторы предлагают такие понятия, как жизнестойкость (С. Кобейс и С. Мадди), устойчивость (Дж. Вебстер), выносливость (Н.Н. Яковлев, А.В. Коробков), жизнеспособность (Б.Г. Ананьев), зрелость (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн) и др. В многочисленных исследованиях жизнестойкость рассматривается как личностный ресурс, который определяет мотивационную

направленность личности, как фактор успешной социализации и самореализации личности (А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев и др.).

Ряд исследований подтверждают то, что студенты с высоким уровнем жизнестойкости чаще используют продуктивные стратегии поведения (самоконтроль, принятие ответственности, положительная переоценка) (Кудинов и др., 2017) и обладают такими личностными качествами, как стремление познавать свой внутренний мир, уважать и ценить себя, регулировать свои эмоции и состояния (Волобуева, 2013).

Нужно отметить, что при высокой актуальности проблемы сравнительного анализа личностных особенностей, совладающего поведения и жизнестойкости студентов, покинувших зону боевых действий, и студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории, исследований в этой области недостаточно.

Методы исследования

Для изучения психологических особенностей испытуемых (копинг-стратегий поведения и личностных характеристик) мы использовали: тест «Преодоление трудных жизненных ситуаций» В. Янке, Г. Эрдманна в адаптации Н.Е. Водопьяновой (Водопьянова, 2009), 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (Капустина, 2001). Жизнестойкость студентов изучили с помощью теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой (Леонтьев, Рассказова, 2006). Статистическая обработка данных проводилась с использованием U-критерия Манна — Уитни с помощью программы статистического анализа SPSS-25.

Выборка

Студенты-первокурсники педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета в количестве 81 человек в возрасте от 18 до 20 лет. Из них 40 студентов, покинувших зону боевых действий (из них 38 девушек и 2 юноши), и 41 студент, проживающий на приграничной к зоне СВО территории (из них 37 девушек и 4 юноши) (г. Белгород, Шебекино, Валуйки и приближенные к линии боевого соприкосновения села).

Результаты исследования

Проанализируем особенности копинг-стратегий поведения, личностного профиля и жизнестойкости личности студентов, покинувших зону боевых действий, и студентов, проживающих на приграничной к СВО территории.

Копинг-стратегии поведения респондентов мы изучили с помощью методики «Преодоление трудных жизненных ситуаций», результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1
Специфика образовательных программ в контексте предпосылок развития самоорганизации

Показатели копинг-стратегий поведения	$M_1 N=40$	$M_2 N=41$	$U_{кр}$ Манна — Уитни
	Среднее (стандартное отклонение)		
Позитивные стратегии			
Снижение значения	16,6 (5,19)	15,78 (3,75)	783
Самоодобрение	13,68 (4,14)	16,54 (4,45)	555,5*
Самооправдание	15,55 (2,89)	15,78 (2,94)	804,5
Отвлечение	18,75 (3,88)	16,15 (3,54)	603*
Замещение	18,88 (4,02)	19,20 (3,95)	743,5
Самоутверждение	16,85 (3,05)	17,27 (3,17)	810
Психомышечная релаксация	18,45 (3,58)	18,54 (3,11)	799
Контроль над ситуацией	18,30 (4,12)	18,76 (3,35)	654,5
Самоконтроль	19,25 (4,30)	18,32 (3,41)	754,5
Позитивная самомотивация	16,15 (5,03)	19,95 (4,52)	474,5**
Негативные стратегии			
Бегство от стрессовой ситуации	17,75 (5,04)	12,95 (4,51)	361,5**
Социальная замкнутость	16,08 (3,17)	11,88 (2,95)	327,5**
«Заезженная пластинка»	19,83 (5,32)	16,41 (3,96)	387**
Беспомощность	17,50 (4,18)	12,39 (3,46)	346**
Жалость к себе	16,73 (4,05)	11,68 (3,21)	251,5**
Самообвинение	18,40 (5,18)	13,78 (3,56)	262,5**
Смешанные стратегии			
Поиск социальной поддержки	17,38 (4,27)	16,54 (3,16)	734
Антиципирующее избегание	18,10 (2,61)	17,61 (4,12)	728
Агрессия	17,13 (4,18)	12,10 (3,59)	353**
Прием лекарств	11,98 (3,92)	8,90 (4,22)	419**
Позитивные стратегии	207,14 (33,18)	210,44 (37,10)	818,5
Негативные стратегии	118,27 (19,18)	87,99 (22,61)	263,5**

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Table 1

Descriptive statistics and results of comparison for the indicators of coping strategies in the behaviour of students who left the combat zone (M₁) and students living on the territory bordering the SMO zone (M₂)

Indicators of coping strategies in behaviour	M ₁ N=40	M ₂ N=41	U _c Mann-Whitney
	Mean (standart deviation)		
Positivestrategies			
Reducingthevalue	16.6 (5.19)	15.78 (3.75)	783
Self-approval	13.68 (4.14)	16.54 (4.45)	555.5*
Self-justification	15.55 (2.89)	15.78 (2.94)	804.5
Distraction	18.75 (3.88)	16.15 (3.54)	603*
Substitution	18.88 (4.02)	19.20 (3.95)	743.5
Self-affirmation	16.85 (3.05)	17.27 (3.17)	810
Psychomuscularrelaxation	18.45 (3.58)	18.54 (3.11)	799
Control overthesituation	18.30 (4.12)	18.76 (3.35)	654.5
Self-control	19.25 (4.30)	18.32 (3.41)	754.5
Positiveself-motivation	16.15 (5.03)	19.95 (4.52)	474.5**
Negativestrategies			
Escape from a stressful situation	17.75 (5.04)	12.95 (4.51)	361.5**
Social isolation	16.08 (3.17)	11.88 (2.95)	327.5**
“A brokenrecord”	19.83 (5.32)	16.41 (3.96)	387**
Helplessness	17.50 (4.18)	12.39 (3.46)	346**
Self-pity	16.73 (4.05)	11.68 (3.21)	251.5**
Self-accusation	18.40 (5.18)	13.78 (3.56)	262.5**
Mixedstrategies			
Search forsocalsupport	17.38 (4.27)	16.54 (3.16)	734
Anticipatoryavoidance	18.10 (2.61)	17.61 (4.12)	728
Aggression	17.13 (4.18)	12.10 (3.59)	353**
Takingmedications	11.98 (3.92)	8.90 (4.22)	419**
Positivestrategies	207.14 (33.18)	210.44 (37.10)	818.5
Negativestrategies	118.27 (19.18)	87.99 (22.61)	263.5**

Note: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$

Индивидуально-психологические свойства личности респондентов мы изучили с помощью 16-факторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла, результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Описательные статистики и результаты сравнения показателей индивидуально-психологических свойств личности студентов, покинувших зону боевых действий (M_1), и студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории (M_2)

Показатели индивидуально-психологических свойств личности	M_1 N=40	M_2 N=41	$U_{кр}$
	Среднее (стандартное отклонение)		
Интеллектуальный блок			
В — интеллект	7,13 (1,52)	5,44 (2,12)	462,5**
М — практичность — мечтательность	5,68 (1,38)	5,49 (1,89)	808
Q ₁ — консерватизм — радикализм	6,80 (1,93)	6,46 (1,48)	729
Эмоционально-волевой блок			
С — эмоциональная нестабильность — эмоциональная стабильность	4,80 (2,30)	6,88(2,11)	423**
О — спокойствие — тревожность	7,83 (1,29)	5,39 (2,35)	312,5**
І — жесткость-чувствительность -	4,75 (1,37)	4,76 (2,02)	793
Г — низкая — высокая нормативность поведения	4,98 (1,96)	5,51 (1,74)	689
Q ₃ — низкий — высокий самоконтроль	5,20 (2,11)	6,54 (1,73)	537**
Q ₄ — расслабленность — напряженность	6,85 (1,87)	4,34 (2,19)	319,5**
Коммуникативный блок			
А — замкнутость — общительность	5,08 (1,81)	5,22 (1,90)	771
Н — робость — смелость	5,95 (1,98)	6,49 (2,19)	642,5
F — сдержанность — экспрессивность	5,25 (1,48)	5,32 (1,76)	797
L — доверчивость — подозрительность	5,75 (2,32)	4,73 (1,65)	592,5*
Е — подчиненность — доминантность	6,25 (1,19)	5,88 (1,48)	625,5*
N — прямолинейность — дипломатичность	5,68 (1,81)	5,32 (1,70)	717
Q ₂ — конформизм — неконформизм	6,53 (2,17)	5,34 (1,97)	589*

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Table 2

Descriptive statistics and results of comparison for the indicators of individual psychological personality traits of students who left the combat zone (M₁) and students living on the territory bordering the SMO zone (M₂)

Indicators of individual psychological personality traits	M ₁ N=40	M ₂ N=41	U _{cr}
	Mean (SD)		
Intelligent unit			
B — intelligence	7.13 (1.52)	5.44 (2.12)	462.5**
M — practicality — dreaminess	5.68 (1.38)	5.49 (1.89)	808
Q ₁ — conservatism — radicalism	6.80 (1.93)	6.46 (1.48)	729
Emotional-volitional block			
C — emotional instability — emotional stability	4.80 (2.30)	6.88 (2.11)	423**
O — calmness — anxiety	7.83 (1.29)	5.39 (2.35)	312.5**
I — stiffness — sensitivity	4.75 (1.37)	4.76 (2.02)	793
G — low — high normativity of behaviour	4.98 (1.96)	5.51 (1.74)	689
Q ₃ — low — high self-control	5.20 (2.11)	6.54 (1.73)	537**
Q ₄ — relaxation — tension	6.85 (1.87)	4.34 (2.19)	319.5**
Communication block			
A — closeness — sociability	5.08 (1.81)	5.22 (1.90)	771
H — timidity — courage	5.95 (1.98)	6.49 (2.19)	642.5
F — restraint — expressiveness	5.25 (1.48)	5.32 (1.76)	797
L — credulity — suspicion	5.75 (2.32)	4.73 (1.65)	592.5*
E — subordination — dominance	6.25 (1.19)	5.88 (1.48)	625.5*
N — artlessness — diplomacy	5.68 (1.81)	5.32 (1.70)	717
Q ₂ — conformism — nonconformism	6.53 (2.17)	5.34 (1.97)	589*

Note: * p ≤ 0.05; ** p ≤ 0.01

Особенности жизнестойкости студентов обеих выборок, которую мы изучили с помощью теста жизнестойкости С. Мадди, представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Описательные статистики и результаты сравнения показателей жизнестойкости студентов, покинувших зону боевых действий (M_1), и студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории (M_2)

Показатели жизнестойкости	$M_1 N = 40$	$M_2 N = 41$	$U_{кр}$
	Среднее (стандартное отклонение)		
Общий уровень жизнестойкости	53,03 (16,94)	81,61 (20,18)	227**
Вовлеченность	21,80 (8,12)	34,59 (9,14)	232,5**
Контроль	20,98 (7,84)	29,17 (9,16)	384,5**
Принятие риска	10,25 (4,69)	17,85 (4,90)	225,5**

Примечание: ** $p \leq 0,01$

Table 3

The ratio of indicators of the resilience of students, refugees from the war zone (M_1) and students living on the border of the SMO territory (M_2)

Indicators of resilience	$M_1 N = 40$	$M_2 N = 41$	U_{cr}
	Mean (SD)		
The overall level of resilience	53.03 (16.94)	81.61 (20.18)	227**
Engagement	21.80 (8.12)	34.59 (9.14)	232.5**
Control	20.98 (7.84)	29.17 (9.16)	384.5**
Risk taking	10.25 (4.69)	17.85 (4.90)	225.5**

Note: ** $p \leq 0.01$

Обсуждение результатов

Обсудим результаты исследования копинг-стратегий поведения студентов (см. Таблицу 1). Копинг-стратегию «самоодобрение» студенты, проживающие на приграничной к зоне СВО территории ($M_2 = 16,54$), по сравнению со студентами, покинувшими зону боевых действий ($M_1 = 13,68$), используют достоверно чаще ($U_{кр} = 555,5$; $p \leq 0,05$). У них выше среднего выражена склонность приуменьшать уровень стресса, в то время как студенты, покинувшие зону боевых действий, более восприимчивы к стрессовым ситуациям. Копинг-стратегия «самооправдание» имеет средний уровень выраженности в обеих выборках респондентов ($M_1 = 15,55$; $M_2 = 15,78$). Студенты, покинувшие зону боевых действий, и студенты, проживающие на

приграничной к зоне СВО территории, в сложных ситуациях склонны подчеркивать отсутствие личной ответственности и перекладывать ее на социальное окружение или непредвиденные факторы.

Вторая категория положительных копинг-стратегий показывает тенденцию студентов к переводу возникших ситуаций в позитив, что помогает справиться со стрессом. Копинг-стратегия «отвлечение» у студентов, покинувших зону боевых действий ($M_1 = 18,75$; $M_2 = 16,15$; $U_{кр} = 0,603$; $p \leq 0,05$), высоко выражена, ее показатели статистически достоверно выше, чем у студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории, имеющих средний уровень выраженности данного показателя. То есть студенты, покинувшие зону боевых действий, значимо чаще имеют хобби, помогают своей семье, проявляют активность в социальных сетях, для отвлечения от тревожных мыслей прибегают к скроллингу. Копинг-стратегия «замещение» в обеих группах респондентов выражена на высоком уровне ($M_1 = 18,88$; $M_2 = 19,20$), студенты часто обращаются к позитивным ситуациям, к активности, занимаются приятным для себя делом, например, едят вкусную еду, смотрят увлекательные фильмы, занимаются спортом, прогуливаются на свежем воздухе, если это позволяет заместить мысли о негативных переживаемых событиях. Копинг-стратегия «самоутверждение» ($M_1 = 16,85$; $M_2 = 17,27$) в обеих группах респондентов выражена на уровне выше среднего, что проявляется в стремлении к успеху в обучении в вузе. Они активно реализуют себя в волонтерской деятельности, становятся участниками акции «Добро». Копинг-стратегия «психомышечная релаксация» ($M_1 = 18,45$; $M_2 = 18,54$) в обеих группах респондентов выражена на высоком уровне. Студенты часто стремятся к расслаблению, релаксации, активному отдыху на природе или пассивному через прослушивание музыки в безопасной обстановке.

Третья категория положительных копинг-стратегий отражает контроль над стрессовой ситуацией. Копинг-стратегия «контроль над ситуацией» ($M_1 = 18,30$; $M_2 = 18,76$) в обеих группах респондентов выражена на уровне выше среднего. Студенты способны в стрессовой ситуации анализировать происходящие события и планировать собственное будущее, а также успешно реализовывать свои планы. Копинг-стратегия «самоконтроль» ($M_1 = 19,25$; $M_2 = 18,32$) в обеих группах респондентов выражена на высоком уровне. Студенты при возникновении сложной ситуации способны сохранять самообладание и осуществлять контроль деятельности.

По показателю «позитивная самомотивация» ($M_1 = 16,15$; $M_2 = 19,95$; $U_{кр} = 474,5$; $p \leq 0,01$) студенты, проживающие на приграничной к СВО территории, в отличие от студентов, покинувших эту зону, достоверно чаще способны брать ответственность на себя в принятии решений по выходу из волнительных ситуаций и активно самостоятельно контролировать развивающийся ход событий.

Далее рассмотрим особенности проявления негативных копинг-стратегий у студентов обеих выборок. Значимые различия по показателю «бегство от стрессовой ситуации» ($M_1 = 17,75$; $M_2 = 12,95$; $U_{кр} = 361,5$; $p \leq 0,01$) подтверждают то, что студенты, покинувшие зону боевых действий, в отличие от студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории, чаще отстраняются от напряженной ситуации.

По показателю «социальная замкнутость» ($M_1 = 16,08$; $M_2 = 11,88$; $U_{кр} = 327,5$; $p \leq 0,01$) статистически значимые различия говорят о том, что студенты, покинувшие зону боевых действий, в отличие от студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории, чаще стремятся уединиться от окружающих людей при возникновении волнительных ситуаций, доверительные отношения могут устанавливать только с «близкими по духу» людьми, которые имеют опыт переживания травматичных событий.

Сравнение показателей по следующим негативным копинг-стратегиям дает основание утверждать, что студенты, покинувшие зону боевых действий, в отличие от проживающих на приграничной к ней территории учащихся, при возникновении экстремальных ситуаций значимо чаще испытывают сложности с отвлечением от негативных мыслей, постоянно обдумывают случившееся посредством «мыслительной жвачки», застревают на негативных аспектах, «накручивают» себя (копинг-стратегия «заезженная пластинка»: $M_1 = 21,83$; $M_2 = 16,41$; $U_{кр} = 387$; $p \leq 0,01$), транслируют беспомощность, безнадежность и разочарование (копинг-стратегия «беспомощность»: $M_1 = 17,5$; $M_2 = 12,39$, $U_{кр} = 346$, $p \leq 0,01$), склонны сочувствовать самим себе, жалеть себя, не принимать случившееся, завидовать окружающим людям, у которых жизнь складывается успешнее (копинг-стратегия «жалость к себе»: $M_1 = 16,73$; $M_2 = 11,68$; $U_{кр} = 251,5$; $p \leq 0,01$), обвиняют себя в происходящих негативных событиях (копинг-стратегия «самообвинение»: $M_1 = 18,64$; $M_2 = 13,78$; $U_{кр} = 262,5$; $p \leq 0,01$).

Опишем особенности проявления смешанных копинг-стратегий. Средний балл копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» ($M_1 = 17,38$; $M_2 = 16,54$) в обеих выборках относится к среднему

уровню. Студенты при возникновении сложной ситуации могут стремиться выговориться, поплакаться, чтобы их пожалели, приняли и поняли, оказали социальную поддержку и материальную помощь. В данной стратегии есть позитивный ресурс, заключающийся в том, что через готовность обсуждать возникшие проблемы и эмоции можно преодолеть туннельное мышление и с помощью окружающих найти решение проблемы. Неблагоприятный способ использования данной стратегии — это принятие потребительской позиции по отношению к социуму. Копинг-стратегия «антиципирующее избегание» ($M_1 = 18,10$; $M_2 = 17,61$) в обеих выборках выражена на уровне выше среднего. То есть студенты при возникновении экстремальной ситуации из-за боязни ее повторения часто стараются предотвратить подобные стрессовые ситуации в будущем или избегать их.

Значимые различия по показателю «агрессия» ($M_1 = 17,13$; $M_2 = 12,10$; $U_{кр} = 353$; $p \leq 0,01$) указывают на то, что студенты, покинувшие зону боевых действий, в отличие от живущих на приграничной территории студентов, при возникновении экстремальных ситуаций значительно чаще проявляют раздражение и агрессию. Данная стратегия может быть ресурсной, если агрессию проявлять в конструктивном ключе для преодоления сложной ситуации. Также проявление повышенной агрессии может быть признаком посттравматического стрессового расстройства из-за гиперактивации нервной системы и желания выжить.

Значимые различия по показателю «прием лекарств» ($M_1 = 11,98$; $M_2 = 8,90$; $U_{кр} = 419$; $p \leq 0,01$) подтверждают то, что студенты, покинувшие зону боевых действий, в отличие от студентов второй выборки, при возникновении волнительных ситуаций чаще принимают психотропные средства (лекарства, алкоголь, табакокурение). Данная стратегия может быть ресурсной для студентов первой выборки, так как препараты, выписанные врачами по рецепту в зависимости от степени тяжести эмоциональных переживаний, способны помочь пациентам легче преодолеть экстремальную ситуацию (ситуацию потери жилья, утраты привычных социальных связей). С другой стороны, прием психотропных средств и злоупотребление алкоголем может иметь для личности разрушающий эффект или являться симптомом посттравматического стрессового расстройства.

Значимые различия по интегративному показателю «негативные стратегии» ($M_1 = 118,27$; $M_2 = 78,8$; $U_{кр} = 87,99$; $p \leq 0,01$) подтверждают то, что студенты, покинувшие зону боевых действий, в отличие от студентов второй выборки, при возникновении волнительных

ситуаций чаще проявляют непродуктивные копинг-стратегии, что может негативно сказываться на их психологическом благополучии и снижать их адаптивный потенциал. Использование непродуктивных копинг-стратегий, таких как стратегия избегания ситуаций, которые могут запустить триггер, социальная замкнутость, «заезженная пластинка», которая проявляется в навязчивых мыслях и флешбеках, беспомощность, жалость к себе, самообвинение в виде чувства вины и собственной ущербности, агрессия из-за гиперактивации нервной системы и желания выжить, прием лекарств и психотропных веществ могут быть симптомами посттравматического стрессового расстройства.

Таким образом, студенты, покинувшие зону боевых действий, и студенты, проживающие на приграничных к зоне СВО территориях, одинаково часто используют такие позитивные копинг-стратегии в преодолении форс-мажорных ситуаций, как «замещение», «самоконтроль», «психомышечная релаксация», «контроль над ситуацией». Студенты, проживающие на приграничных к зоне СВО территориях, чаще прибегают к стратегиям «самоодобрение» и «позитивная самомотивация», а студенты, покинувшие зону боевых действий, склонны прибегать к стратегии «отвлечение». Все непродуктивные копинг-стратегии, такие как «бегство от стрессовой ситуации», «социальная замкнутость», «заезженная пластинка», «беспомощность», «жалость к себе», «самообвинение», «агрессия», «прием лекарств» и «негативные копинг-стратегии», студенты, покинувшие зону боевых действий, применяют статистически значимо чаще по сравнению со студентами, проживающими на приграничных к СВО территориях, что может быть признаками проявления посттравматического стрессового расстройства.

Сравним индивидуально-психологические свойства личности респондентов обеих выборок (Таблица 2). По интеллектуальному блоку индивидуально-психологических свойств личности студентов, покинувших зону боевых действий, и студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории, значимые различия по шкале «интеллект» ($M_1 = 7,13$; $M_2 = 5,44$; $U_{кр} = 462,5$; $p \leq 0,01$) указывают на то, что студенты первой выборки, в отличие от студентов второй выборки, более сообразительны. Показатель «консерватизм — радикализм» ($M_1 = 6,8$; $M_2 = 6,47$) у студентов обеих выборок находится на среднем уровне, но с тенденцией к повышению, что может проявляться в склонности к экспериментированию, готовности к нововве-

дням, стремлении пересмотреть существующие фундаментальные проблемы.

Эмоционально-волевой блок индивидуально-психологических свойств личности обеих выборок респондентов находится в среднем диапазоне значений, однако по многим показателям обнаружены статистически значимые различия. Значимые различия по «эмоциональной нестабильности — эмоциональной стабильности» ($M_1 = 4,8$; $M_2 = 6,88$; $U_{кр} = 423$; $p \leq 0,01$) указывают на то, что студенты, покинувшие зону боевого соприкосновения, склонны к проявлениям раздражительности и огорчению, а студенты второй выборки более спокойны, уверены в себе, эмоционально устойчивы.

Показатель «жесткость — чувствительность» в обеих группах ($M_1 = 4,75$; $M_2 = 4,76$), выражен на среднем уровне, что может проявляться в приветливости, склонности к зависимости от других, под влиянием ситуации они могут проявлять боязливость или самоуверенность.

Значимые различия по показателям «спокойствие — тревожность» ($M_1 = 7,83$; $M_2 = 5,39$; $U_{кр} = 312,5$; $p \leq 0,01$) и «расслабленность — напряженность» ($M_1 = 6,85$; $M_2 = 4,34$; $U_{кр} = 319,5$; $p \leq 0,01$) подтверждают то, что студенты второй выборки более спокойны и бесстрашны, а студенты, покинувшие зону боевых действий, более тревожны, боязливы, не уверены в себе, склонны воспринимать препятствия как «непреодолимые», что затрудняет поиск выхода из сложной жизненной ситуации. Данный результат может указывать на признаки посттравматического стрессового расстройства.

Значимые различия по фактору «низкий — высокий самоконтроль» ($M_1 = 5,2$; $M_2 = 6,54$; $U_{кр} = 537$; $p \leq 0,01$) подтверждают то, что студенты, проживающие на приграничной к зоне СВО территории, больше контролируют свои эмоции, принимают социальные требования, которые к ним предъявляют, проявляя адаптивность. Студенты, покинувшие зону боевых действий, стремятся удовлетворить свои представления о жизни, прибегая к нарушению социальных норм, часто действуют, не имея четкого представления о случившемся.

Коммуникативный блок свойств личности респондентов обеих выборок находится в диапазоне среднего уровня. Средние значения факторов «робость — смелость» ($M_1 = 5,95$; $M_2 = 6,49$), «сдержанность — экспрессивность» ($M_1 = 5,25$; $M_2 = 5,32$) и «замкнутость — общительность» ($M_1 = 5,08$; $M_2 = 5,22$) свидетельствуют о том, что студенты обеих выборок склонны верить в удачу только на основе собственного опыта. Они способны устанавливать и сохранять личные

контакты, но иногда избегают общения с большой аудиторией или авторитетными людьми.

Полученная нами в обеих выборках средняя выраженность факторов «доверчивость — подозрительность» ($M_1 = 5,75$; $M_2 = 4,73$; $U_{кр} = 592$; $p \leq 0,05$) и «прямолинейность — дипломатичность» ($M_1 = 5,68$; $M_2 = 5,32$) позволяет интерпретировать действия студентов, покинувших зону боевых действий, как доброжелательные, но недоверчивые. Доверительные отношения они могут устанавливать только с «близкими по духу» людьми (общие интересы, длительная дружба, идентичный опыт переживания сложных жизненных событий), предпочитают решать проблемы самостоятельно.

Значимые различия по факторам «подчиненность — доминантность» ($M_1 = 6,25$; $M_2 = 5,88$; $U_{кр} = 625$; $p \leq 0,05$) и «конформизм — неконформизм» ($M_1 = 6,53$; $M_2 = 5,34$; $U_{кр} = 625$; $p \leq 0,05$) указывают на то, что студенты, покинувшие зону боевых действий, в отличие от студентов второй группы, чаще реализуют лидерский потенциал, «не навязываются» окружающим людям, но при необходимости могут себя защитить. Мнение группы может иметь значение, если совпадает с собственными представлениями.

Таким образом, студенты, покинувшие зону боевых действий, вследствие длительного пребывания в стрессовой ситуации проявляют мобилизацию своих интеллектуальных ресурсов, более тревожны и напряжены. Находясь длительное время в режиме выживания, имеют умеренно выраженный лидерский потенциал, могут действовать хаотично, склонны к раздражительности и прокрастинации, относятся к окружающим людям доброжелательно, но без доверия, способны понимать чужие проблемы. Студенты, проживающие на приграничной к СВО территории, более спокойны, уверены в себе, эмоционально устойчивы, организованны, сложные непредсказуемые ситуации не вводят их в ступор.

Сравним жизнестойкость личности студентов (Таблица 3). В обеих выборках респондентов по всем показателям жизнестойкости были получены статистически значимые различия на уровне $p \leq 0,01$: «общий уровень жизнестойкости» ($M_1 = 53,03$; $M_2 = 81,61$; $U_{кр} = 227$), «вовлеченность» ($M_1 = 21,8$; $M_2 = 34,59$; $U_{кр} = 232,5$), «контроль» ($M_1 = 20,98$; $M_2 = 29,17$; $U_{кр} = 384,5$), «принятие риска» ($M_1 = 10,25$; $M_2 = 17,85$; $U_{кр} = 225,5$). Это свидетельствует о том, что студенты второй выборки имеют более высокий уровень жизнестойкости, в отличие от студентов, покинувших зону боевых действий. Оптимальный уровень жизнестойкости личности у студентов, проживающих на

приграничной к зоне СВО территории, препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых. Желание найти свой жизненный путь повышает уверенность в себе и способствует формированию удовольствия от собственной деятельности, в отличие от студентов, покинувших зону боевых действий, проявляют неуверенность в себе, недоверие к миру и чувство беспомощности.

Проанализируем распределение студентов, покинувших зону боевых действий, и студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории, по уровням жизнестойкости личности. Высокий уровень жизнестойкости имеют 29,2% студентов, проживающих на приграничной к СВО территории, что проявляется в активной жизненной позиции, умении совладать со стрессами; у студентов, покинувших зону боевых действий, высокого уровня жизнестойкости личности не обнаружено. Низкий уровень жизнестойкости наблюдается у 27% студентов, покинувших зону боевых действий, и у 7,3% студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории, что проявляется в неуверенности в себе, неверии в свои силы и возможности, страхе перед жизненными трудностями. Средний уровень жизнестойкости наблюдается у 73% студентов, покинувших зону боевых действий, и 63,5% у студентов, проживающих на приграничной к СВО территории, что проявляется в повышении тревожности и неуверенности в себе в ситуациях неопределенности и непредсказуемости. Однако, если респондент заручится поддержкой близких и будет находиться в привычных для себя условиях, то он может проявить активную жизненную позицию и попытаться справиться со сложной жизненной ситуацией.

Таким образом, студенты, проживающие на приграничной к зоне СВО территории, у которых сохранна окружающая стабильность в виде социальных связей и жилья, чаще демонстрируют более высокую жизнестойкость. Их вовлеченность в происходящие жизненные события, желание активно действовать, приобретать новые навыки и опыт повышают уверенность в себе и способствуют формированию удовольствия от собственной деятельности, в отличие от студентов, покинувших зону боевых действий, которые чаще проявляют неуверенность в себе, недоверие к миру и чувство беспомощности. Это может быть связано с тем, что студенты, покинувшие зону боевых действий, длительное время находились в трудной жизненной ситуации, пытались выжить под взрывами бомб, потеряли социальные связи, жилье и материальные блага, в измененных для них условиях

проживания и обучения в университете проходят непростой процесс адаптации к новым социальным условиям.

Выводы

1. Студенты, покинувшие зону боевых действий, и студенты, проживающие на приграничных к СВО территориях, одинаково часто используют такие позитивные копинг-стратегии в преодолении форс-мажорных ситуаций, как «замещение», «самоконтроль», «психомышечная релаксация», «контроль над ситуацией». Студенты, проживающие на приграничных к СВО территориях, чаще прибегают к стратегиям «самоодобрение» и «позитивная самомотивация», а студенты, покинувшие зону боевых действий, склонны прибегать к стратегии «отвлечение». Непродуктивные копинг-стратегии: «бегство от стрессовой ситуации», «социальная замкнутость», «заезженная пластинка», «беспомощность», «жалость к себе», «самообвинение», «агрессия», «прием лекарств» и «негативные копинг-стратегии» студенты, покинувшие зону боевых действий, применяют чаще по сравнению со студентами, проживающими на приграничных к СВО территориях, что может быть признаками проявления посттравматического стрессового расстройства.

2. Студенты, покинувшие зону боевых действий, вследствие длительного пребывания в стрессовой ситуации, стремясь выжить, проявляют мобилизацию своих интеллектуальных ресурсов и поэтому демонстрируют более высокий показатель интеллекта. Находясь длительное время в режиме выживания, имеют умеренно выраженный лидерский потенциал, могут действовать хаотично, склонны к раздражительности и прокрастинации, способны понимать чужие проблемы, относятся к окружающим людям доброжелательно, но без доверия. Студенты, проживающие на приграничной к зоне СВО территории, более спокойны, уверены в себе, эмоционально устойчивы, более организованны и настойчивы в ситуациях, в которых имеют опыт адаптации. Респонденты обеих выборок способны сохранять эмоциональное равновесие в привычной для себя обстановке, но при возникновении неожиданных трудностей могут впадать в кратковременное чувство тревоги и беспомощности.

3. Студенты, проживающие на приграничной к СВО территории, у которых сохранена окружающая стабильность в виде социальных связей и жилья, более жизнестойкие. Их вовлеченность в происходящие жизненные события, желание активно действовать, приобретать новые навыки и опыт повышают уверенность в себе и способствуют

формированию удовольствия от собственной деятельности, в отличие от студентов, покинувших зону боевых действий, которые чаще проявляют неуверенность в себе, недоверие к миру и чувство беспомощности.

Заключение

Полученные в исследовании результаты, раскрывающие личностные особенности студентов, покинувших зону боевых действий, и студентов, проживающих на приграничной к зоне СВО территории, были учтены нами в обосновании пояснительной записки при разработке тренинга «Жизнестойкая личность», являющегося основой программы психологического сопровождения беженцев из зоны боевых действий, а также населения, проживающего на приграничной к зоне СВО территории. В перспективе продолжения нашего исследования мы планируем изучить личностные особенности студентов, проживающих в столице РФ, студентов, проживающих на приграничной к СВО территории, и студентов, покинувших зону боевых действий, а также проанализировать направленность связей между выявленными личностными особенностями с проявлениями посттравматического стрессового расстройства в указанных выборках испытуемых.

Список литературы

Акулинина, Т.А., Давлетбаева, З.К. (2019). Особенности копинг-стратегий у студентов в условиях конфликтных ситуаций. В: Опыт реализации Федерального государственного образовательного стандарта в образовательных учреждениях: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. Л.М. Никоновой (С. 45–48). Псков: Сибайский информационный центр.

Водопьянова, Н.Е. (2009). Тест Преодоление трудных жизненных ситуаций. URL: <https://psycabi.net/testy/504-koping-strategii-test-preodolenie-trudnykh-zhiznennykh-situatsij-ptzhs-oprosnik-svf120-v-yanke-g-erdmann-adaptatsiya-n-e-vodoryanovoj?ysclid=luk12m8r8f289308914> (дата обращения: 01.10.2023).

Волобуева, Н.М. (2013). Психологическая культура как условие развития жизнестойкости студентов: дис. канд. психол. наук. Белгород.

Глушановская, К.Э. (2020). Уровень развития адаптационного потенциала иностранных студентов в зависимости от продуктивности используемых копинг-стратегий. *Globus: гуманитарные науки*, 31(1), 27–30.

Ермакова, Е.С. (2022). Связь креативности, жизнестойкости, стрессоустойчивости и совладающего поведения студентов. *Вестник психофизиологии*, 2(1), 42–51.

Кайипбекова, И.У., Гагай, В.В. (2021). Жизнестойкость как основание преодоления трудных жизненных ситуаций подростками из семей мигрантов. *Мир науки. Педагогика и психология*, 9(2), 34–39.

Калашников, А.И. (2022). Специфика совладающего поведения и защитных механизмов и ее связь с жизнестойкостью студентов вуза. В: Человеческий капитал как фактор социальной безопасности. Сборник материалов международной научно-практической конференции (С. 114–121). Екатеринбург: Изд-во УрГПУ.

Капустина, А.Н. (2001). Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. Санкт-Петербург: Речь.

Кудинов, С.И., Кудинов, С.С., Хаммад, С.М. (2017). Жизнестойкость как предиктор самореализации личности в трудных жизненных ситуациях. *Известия Саратовского университета. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 23(3), 229–238.

Леонова, Е.Н. (2021). Жизнестойкость и когнитивная оценка трудной жизненной ситуации как предикторы способов совладания. *Человеческий капитал*, 148(4), 90–103.

Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. (2006). Тест жизнестойкости. Москва: Смысл.

Мишина, М.М., Воробьева, К.А. (2022). Взаимосвязь информационного контента и особенностей личности в подростковом и юношеском возрасте. *Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Психологические науки*, (3), 99–108.

Петровская, В.Г. (2020). Жизнестойкость и социально-психологическое благополучие личности в юношеском возрасте. *Конструктивные педагогические заметки*, 8-1(13), 259–272.

Maltby, J., Hall, S.S. (2022). Less is more. Discovering the latent factors of trait resilience. *Journal of Research in Personality*, (97), 104193. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2022.104193>

Oviedo, L., Seryczyńska, B., Torralba, J., Roszak, P., Angel, J.D., Vyshynska, O., Muzychuk, I. (2022). Coping and Resilience Strategies among Ukraine War Refugees. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(20), 13094.

References

Akulina, T.A., Davletbaeva, Z.K. (2019). Features of coping strategies among students in conflict situations. In: L.M. Nikonova (Ed.), In: The experience of implementing the Federal State Educational Standard in educational institutions: materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference (pp. 45–48). Pskov: Sibay Information Center. (In Russ.).

Ermakova, E.S. (2022). The connection of creativity, resilience, stress resistance and coping behavior of students. *Vestnik Psikhofiziologii (Psychophysiology Bulletin)*, 2(1), 42–51. (In Russ.).

Glushanovskaya, K.E. (2020). The level of development of the adaptive potential of foreign students depending on the productivity of the coping strategies used. *Globus: Gumanitarnye Nauki (Globus: Human Sciences)*, 31(1), 27–30. (In Russ.).

Kalashnikov, A.I. (2022). Specificity of coping behavior and protective mechanisms and its connection with the resilience of university students. In: Human capital as a factor of social security. Collection of materials of the international scientific and practical conference (pp. 114–121). Yekaterinburg: Publishing house USPU. (In Russ.).

Kapustina, A.N. (2001). Multifactorial personal methodology by R. Kettell. St. Petersburg: Rech. (In Russ.).

Kayipbekova, I.U., Gagai, V.V. (2021). Resilience as a basis for overcoming difficult life situations by adolescents from migrant families. *Mir Nauki. Pedagogika i Psikhologiya (The World of Science. Pedagogy and Psychology)*, 9(2), 34–39. (In Russ.).

Kudinov, S.I., Hammad, S.M. (2017). Resilience as a predictor of personal self-realization in difficult life situations. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya (Saratov University Bulletin. Seria Acmeology of Education. Psychology of Development)*, 23(3), 229–238. (In Russ.).

Leonova, E.N. (2021). Resilience and cognitive assessment of a difficult life situation as predictors of coping methods. *Chelovecheskii Kapital (Human Capital)*, 148(4), 90–103. (In Russ.).

Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I. (2006). The test of resilience. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Maltby, J., Hall, S.S. (2022). Less is more. Discovering the latent factors of trait resilience. *Journal of Research in Personality*, (97), 104193. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2022.104193>

Mishina, M.M., Vorobyeva, K.A. (2022). The relationship of information content and personality traits in adolescence and adolescence. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: Psikhologicheskie Nauki (Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences)*, (3), 99108. (In Russ.).

Oviedo, L., Seryczyńska, B., Torralba, J., Roszak, P., Angel, J.D., Vyshynska, O., Muzychuk, I. (2022). Coping and Resilience Strategies among Ukraine War Refugees. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(20), 13094.

Petrovskaya, V.G. (2020). Resilience and socio-psychological well-being of a person in adolescence. *Konstruktivnye Pedagogicheskie Zametki (Constructive Pedagogical Notes)*, 8-1(13), 259–272. (In Russ.).

Vodopyanova, N.E. (2009). The test “Overcoming difficult life situations” URL: <https://psycabi.net/testy/504-koping-strategii-test-preodolenie-trudnykh-zhiznennykh-situatsij-ptzhs-oprosnik-svf120-v-yanke-g-erdmann-adaptatsiya-n-e-vodopyanovoj?ysclid=luk12m8r8f289308914> (access date: 01.10.2023). (In Russ.).

Volobueva, N.M. (2013). Psikhologicheskaya kul'tura kak uslovie razvitiya zhiznesteikosti studentov: Diss. kand. psikhol. nauk. (Psychological culture as a condition for the development of students' resilience: dissertation). Cand. Sci. (Psychology), Belgorod. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Надежда Степановна Ткаченко, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Российская Федерация, tkachenkon2018@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1710-889X>

Марина Михайловна Мишина, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики образования факультета психологии образования Института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация, mishinamm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9348-7804>

ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda S. Tkachenko, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Age and Social Psychology of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation, tkachenkon2018@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1710-889X>

Marina M. Mishina, Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Education at the Vygotsky Institute of Psychology of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, mishinamm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9348-7804>

Поступила: 12.10.2023; получена после доработки: 12.02.2024; принята в печать: 07.04.2024.

Received: 12.10.2023; revised: 12.02.2024; accepted: 07.04.2024.